

П. Р. ЗАБОРОВ

М. А. Волошин и А. А. Смирнов

В обширном кругу друзей и знакомых М. А. Волошина А. А. Смирнову принадлежит сравнительно скромное место. Жили они по преимуществу далеко друг от друга, виделись редко, переписывались не слишком интенсивно. Однако общение их продолжалось почти три десятилетия и было отнюдь не формальным: в основе его лежали духовная близость, искренняя симпатия и взаимный интерес. Правда, с полной уверенностью это можно утверждать лишь в отношении Смирнова, письма которого к Волошину, в основном, сохранились в архиве последнего в Пушкинском Доме; письмами же Волошина к Смирнову мы, к сожалению, не располагаем.

В историю русской культуры Александр Александрович Смирнов (1883—1962) вошел как видный филолог-западник, педагог и исследователь, практик и организатор переводческого дела. Ученик академика А. Н. Веселовского и его ближайших последователей и сподвижников, он был одним из самых крупных наших медиевистов, зачинателем отечественной кельтологии, авторитетнейшим испанистом и шекспироведом.¹ В последнее время получили известность его ранние поэтические и литературно-критические опыты, а также установлена его причастность к студенческому окружению Александра Блока.² Наконец, подлинным открытием явилась публикация цикла его писем к С. И. Терк, впоследствии знаменитой французской художнице Соне Делоне (1885—1979), свидетельствующих об удивительной широте культурных интересов Смирнова-студента, о напряженности его философских исканий, о глубине постижения им и понимания искусства.³

Часть этих писем была написана в Париже, куда Смирнов впервые попал в марте 1905 г. Город сразу очаровал его, а вскоре он уже почувствовал себя там как дома. «Итак, милая Соня, моя робкая надежда осуществилась самым блестящим образом, — писал он 12 марта 1905 г. — Я в Париже! За три дня, проведенные в этом „до ненормальности прекрасном городе“, я, кажется, успел совершенно натурализоваться. Перелом произошел сегодня: до сегодня я был убежден, что все это сон, что я никогда не покидал Петербурга и до сих пор там нахожусь. Но сегодня я смотрю на дело уже иначе: я хорошо знаю, что сон — это Петербург, а что сам я —

¹ См. Жирмунский В. М. Памяти А. А. Смирнова (1883—1962) // ИЮЛЯ 1963 Т. 22, вып. 1 С. 78—81, там же (с. 82—85) см. «Список основных научных трудов А. А. Смирнова», составленный З. И. Плавским.

² См. Иезуитова Л. А., Скворцова Н. В. Новое об университетском окружении А. Блока (А. А. Блок и А. А. Смирнов) // Вест ЛГУ № 14 История, язык, литература. Вып. 3 1981 С. 49—58.

³ Marcade Jean-Claude. La correspondance d' A. A. Smirnov avec S. I. Terk (Sonia Delaunay) 16 septembre 1904—8 avril 1905 // Cahiers du Monde russe et soviétique Juillet—Septembre 1983 Vol. 24(3) P. 289—327. Общее число выявленных писем превышает 400.

парижанин и всю жизнь провел в Париже».⁴ Время это он посвятил «восприятию Парижа в целом», «обозрению» его «художественных сокровищ» и научным занятиям. «Дела мои с Сорбонной устроились хорошо, — сообщал он в том же письме. — Я поражен любезностью и прямо-таки дружеским отношением здешних профессоров ко мне. В таких условиях приятно заниматься, и я гораздо менее, чем в Петербурге, испытываю обычное отвращение к науке. Вообще заниматься я собираюсь порядочно, и все к этому отлично приспособлено. Я предлагаю такую характеристику Парижа: город, в котором *все хорошо*».⁵

Весьма энергично входил Смирнов в художественную жизнь Парижа, посещая выставки, аукционы, антикварные лавки и т. п. Бывал он в Союзе русских художников (Union des artistes russes) и у некоторых членов многочисленной русской колонии. Тогда же он мог встретиться и с Максимилианом Волошиным, одним из самых ярких и деятельных ее представителей, игравшим с начала 1900-х гг. столь важную роль в сближении русской и французской культур. Впрочем, весьма вероятно, что знакомство их произошло все же годом позднее, да и в это время отношения их оставались еще довольно далекими. Вообще, поскольку первое из писем «волошинского цикла» Смирнов адресовал (в Коктебель) Маргарите Васильевне Сабашниковой-Волошиной, незадолго до того ставшей женой поэта, а самому Волошину лишь передал «сердечный привет», не исключено, что сначала он познакомился именно с ней.

Письмо это, а точнее, вторая из двух отправленных одновременно почтовых карточек (первая утрачена),⁶ датируется по штемпелю 8 августа 1906 г. и послано из бретонской деревушки Примель (Primel), где Смирнов изучал местный язык, потребность в котором ощущал в связи со своими кельтологическими штудиями. Это был тот самый «божественный Примель», еще в 1897 г. открытый А. Н. Бенуа, в 1905 г. вновь привлечший его, а вслед за ним постепенно и других «русских парижан» — К. Д. Бальмонта с семейством, А. К. Шервашидзе, С. П. Яремича, Н. Г. Платера, Е. С. Кругликову. По воспоминаниям Александра Бенуа, летом 1906 г. к ним присоединился и «милый студент-филолог „Саша“ Смирнов, приехавший изучать на месте древний язык Арморики».⁷

Позднее оживлению этих контактов способствовал приезд Смирнова в Париж на два года, в качестве оставленного при Петербургском университете для подготовки к профессорскому званию (октябрь 1911 г.). Едва устроившись, он «зашел» к Волошину на рю Буассонад, 17, но не застал дома и написал ему. Письмо это, помеченное 29 октября 1911 г. (почтовый штемпель — 28.10.1911), преследовало вполне конкретную цель: Смирнову был «крайне нужен» адрес переводчицы Е. К. Цветковской; но начальные его строки говорили сами за себя: «Милый Максимилиан Александрович. Я приехал в Париж, вероятно на 2 года. Был бы очень рад Вас повидать и вообще видать».⁸ «Деловым» было и другое парижское письмо, посланное 23 января 1912 г., как и предыдущее — пневматической почтой.⁹ Речь в нем шла о банкете по случаю 25-летия литературной деятельности Бальмонта, одним из главных организаторов которого был Волошин; Смирнов же выполнял его поручения, приглашая участвовать в банкете своих знакомых и коллег. Банкет этот состоялся 24 января 1912 г.

⁴ Ibid P 313

⁵ Ibid P 314

⁶ ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 1117, л. 1

⁷ Бенуа А. Мои воспоминания в пяти книгах М., 1990. Кн. четвертая, пятая. С. 432

⁸ ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 1117, л. 2

⁹ Там же, л. 3

Прошло почти семь лет, прежде чем переписка друзей возобновилась. Следующее письмо Смирнова пришло в Коктебель из Харькова, где он, после долгих «хождений по мукам», обосновался в надежде на сравнительно спокойную и обеспеченную жизнь. Приводим текст письма полностью:

4 дек 1918

Дорогой Максимилиан Александрович,

Вновь мы были долгое время на близком расстоянии друг от друга, и вновь не удалось с Вами свидеться на крымской почве, к чему я стремился несколько лет подряд. В этом году помешало то, что слишком был занят всякими своими печальями и заботами, чтобы думать о поездках да и трудно было нынче ездить — В декабре 1917 г я поехал из Петербурга на месяц в Ялту, чтобы навестить там проводившую зиму жену (которая уже около 2 лет тяжело больна чем-то вроде суставного ревматизма и находится почти без движения)¹⁰ Там мы подверглись большевизской бомбардировке, и притом в очень тяжелых для нас условиях, напр обстреливался дом, где мы жили, и т п. А потом пошли всякие гонения, так что я почувствовал, что не в силах оставить жену, и не поехал в Пб вовсе. С 1-го марта мы переехали в Алушту на нашу дачу, я был учителем французского языка в местной гимназии. В сентябре мы все переехали сюда, в Харьков. Я зачислился преподавателем в здешнем университете, получил лекции в нескольких местах. Вот вкратце странные события моей жизни за последний год. Мало знаю о ком из друзей, оставшихся на севере. Что с Бальмонтами, Кружиковой, — не знаю. Об Ахматовой мне сообщили, что она вышла за Шилейко. Как жутко не знать о близких и не знать, что будет дальше.

А теперь я хочу поговорить с Вами о следующем. На днях начинает выходить большая газета, <название «Новая Россия»>, под редакцией (временной?) проф. Маклецова (лидер здешних «к-д»)¹¹ Возможно, что его сменил потом Розенберг, бывший фактический редактор «Русских Ведомостей»¹². Программа приблиз — к-д, стремление приблизиться к типу «Русских Ведомостей». Участвуют многие из профессоров. Издает газету здешнее общество «Взаимокредит», так что средства есть большие. Заведывать литературным отделом предложили мне. Я считаю — и редактор согласен — что стихи должны иметь место в газете. И вот — первым делом обращаюсь к Вам с большой просьбой разрешить поставить Ваше имя в числе сотрудников (кроме Вас, из поэтов я обратился с такой просьбой лишь к двум здешним: Шенгели и Прокопенко), а затем — сообщите, пожалуйста, Ваши условия оплаты. Думаю, что в последнем отношении трудностей не возникнет, ибо у нас намечено 2 руб. как минимум за строку стихов, след возможно и значительно больше, особенно за Ваши. Ввиду этого, быть может, Вы сразу бы прислали прил. 2 небольших стихотворения! <или больше!> Это меня очень порадовало бы. Кроме того, будем благодарны, если бы при случае дали и какую-нибудь статью <статьи — от 50 к за строчку>. Не сомневайтесь, что я приложу все усилия, чтобы придать отделу нужный тон, и, след, Вы гарантированы от неприятных «соседей».

На днях выходит здесь Ваша книга стихов, которую хочу обстоятельно рецензировать. Я сам. Пока — всего доброго, дорогой Максимилиан Александрович. Жду ответа.

Ваш сердечно А. А. Смирнов (приват-доцент, парижский и т. п. в пояснение для избежания смешения с однофамильцами!) Харьков, Бассейная, д. 16, кв. 5. Александру Александровичу Смирнову.

Был слух, что Вы думали съездить в Харьков. Как был бы рад Вас увидеть!¹³

В Харьков Волошин тогда не приезжал, а предложение Смирнова, на которое он охотно откликнулся, вскоре потеряло смысл, поскольку эта харьковская «Новая Россия» если и выходила, то очень недолго, а скорее всего, вообще не состоялась. Соответственно не появилась и обещанная рецензия. Самый же сборник Волошина — «Демоны глухонемые» — увидел свет в местном издательстве «Камена» в апреле 1919 г.

В 1921 г. Смирнов встречался с Волошиным в Симферополе, где преподавал в Таврическом университете. После чего в их общении вновь наступил длительный перерыв. Волошин почти безвыездно жил в Коктебеле, а Смирнов в конце концов вернулся в Петроград, где возобновил педаго-

¹⁰ Первая жена А. А. Смирнова Елизавета Петровна Магденко (?—1923).

¹¹ Александр Васильевич Маклецов (1884—?)

¹² Владимир Александрович Розенберг (1860—1932).

¹³ ИРЛИ ф. 562, оп. 3 № 1117 л. 45. Слова в угловых скобках вписаны на полях или над строкой.

гическую деятельность¹⁴ и энергично включился в литературную работу, сотрудничая главным образом в издательствах «Всемирная литература» и «Academia». Волошина он, однако, не забывал, а когда ему стало известно (возможно, и от самого поэта) о его намерении выпустить сборник своих переводов из Анри де Ренье и статей о нем,¹⁵ с готовностью начал хлопоты и об их результатах сообщил Волошину в подробном и очень доброжелательном письме:

2.XII.1923

Дорогой Максимилиан Александрович,

Будучи человеком мало пишущим письма, по хлопотливости жизни своей, я всегда рад случаю, когда нечто толкает меня взяться за перо, чтоб написать кому-нибудь из хороших друзей. Много раз вспоминал я за это время о Вас, и в одиночестве, и вместе с общими друзьями. Радовался, когда узнавал что-нибудь о Вас от Е. Замятина или Чуковского. Но особенно был обрадован, когда узнал от Е. И. Васильевой (Ч. де Габриак),¹⁶ что Вы собираетесь сами приехать сюда в январе (кстати, я очень оценил ее и сдружился с ней). Вы должны приехать непременно, и тогда мы повидаемся по-хорошему и поговорим по душе, как встарь, — правда?

А пока — об упомянутом деле, именно о Вашем Ренье. Во «Всем. лит.» устроить его не удалось по той причине, что само это изд-во находится в неопределенном положении. Если даже оно и окрепнет (на что надеяться *можно*), все же в его работе должно произойти значит. сокращение программы, и этот томик Ренье по множеству причин (идущих из Москвы) сейчас никак не вестится.

Но есть другая возможность. Изд-во «Academia» предприняло полное собр. соч. Ренье в XVII тт. (по крайней мере, прозы его) под общей редакцией М. Кузмина, Ф. Сологуба и моей. Я уже неск. времени тому назад, сразу после того, как выяснилось положение с «Всем. лит.», говорил с «Academia». Издатель тогда колебался, боясь срочности нового расхода, ибо он уже закупил много переводов др. вещей Ренье. Но после того, как я вторично поговорил с ним и указал, что иначе Ваш перевод может перейти в другое изд-во, он быстро и охотно согласился. При этом, однако, он готов был бы взять сейчас *только Амаркера*.¹⁷ Что касается стихов, то он хочет издать и их, но не сейчас, а когда дело окрепнет и рынок улучшится, поэтому сейчас боится брать на себя обязательство. Далее, что касается статей, то с этим дело обстоит труднее всего. Общая статья о Ренье им заказана уже М. Кузмину, и удваивать статью он затрудняется. Меня это очень огорчает, но в этой плоскости спорить с ним мне трудно. Вот и не знаю, как быть и что Вам посоветовать. Хотите, попробуем все же устроить всю Вашу книжку полностью (со стихами и статьями) в каком-нибудь др. издательстве, причем в этом деле еще больше моего может помочь Чуковский. Но, если говорить вполне откровенно, то, учитывая общую литературную обстановку наших дней, я особенно больших надежд на это не возлагаю. Тем не менее не смею советовать Вам решительным образом ни в том, ни в другом направлении.

Если бы Вы согласились сразу на комбинацию с одним д'Амаркером, единств. вопросом был бы размер гонорара. Издатель просил меня узнать Ваши условия. Я, со своей стороны, интимно запросил его, какие условия ему самому представляются возможными. Он отвечал, что не выше 15 зол. руб. за печатный лист в 40 000 знаков. Затем я советовался с Замятым и Чуковским, они говорили, что можно попросить по 20 руб. Лично я не уверен, что такая цифра была бы принята. Материалы к вопросу таковы. Ф. Сологуб переводит ему сейчас «La double maîtresse» по 18 руб., поэт В. Рождественский что-то перевел по 10 или 12 р., одна «рядовая» переводчица — по 8 р. Заметьте при этом, что Ваш перевод уже был в печати, что понижает обычно гонорар на 50%. Издатель об этом не вспоминал, и я молчу, но он может вспомнить. Я бы, если позволите, советовал Вам попросить по 20 р., дав при этом мне частное указание, до каких пределов уступать (до 15 р.?). Жду Вашего ответа, который передам ему. Если хотите, напишите ему прямо — Александру Александровичу Кроленко, издательство

¹⁴ Именно в это время в Петроградском—Ленинградском университете у А. А. Смирнова занимался старофранцузским языком Д. С. Лихачев (см.: Лихачев Д. С. Прошлое—будущее. М., 1985 С. 24).

¹⁵ См. Максимилиан Волошин и Анри де Ренье (Неизданные материалы) // Публикации П. Р. Заборова // Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. СПб., 1991 С. 302—304.

¹⁶ Елизавета Ивановна Дмитриева, в замужестве Васильева (1887—1928), поэтесса и переводчица (литературный псевдоним — Черубина де Габриак).

¹⁷ Под заглавием «Маркиз д'Амаркер» в 1914 г. в переводе Волошина вышло несколько фрагментов сборника Ренье «Яшмовая трость» («La sappe de jaspe», 1897), переиздано в 1925 г.

«Academia», Литейный просп., д. 40¹⁸ Или, для простоты, вложите записку ему в Ваше письмо ко мне, я передам. Адрес мой: Фурштатская, д. 20, кв. 5.

В ожидании ответа, а затем и свиданья, обнимаю Вас и с крепкой дружбой остаюсь Ваш
А. А. Смирнов¹⁹

В Ленинград Волошин приехал лишь 6 апреля 1924 г. Известие об этом Смирнов встретил с огромным воодушевлением. «Бесконечно обрадован Вашим приездом и жду как можно скорее повидать и обнять Вас», — так начинается его первое письмо этого периода (собственного телефона у него тогда не было, отсюда переписка). Сожалея, что по различным причинам не может с ним встретиться немедленно у Е. И. Васильевой и М. М. Шкапской,²⁰ он от себя и от имени Ольги Георгиевны и Константина Евтихевича Костенко, с которыми, по его словам, жил «объединенно»,²¹ «ужасно» просил Волошина «прийти (совершенно запросто) в любой день к обеду, который у нас бывает в 5 1/2 часов», и далее рассказывал о своих ближайших планах.²²

Встреч таких было несколько: у Смирновых-Костенко, в издательстве, у общих знакомых. Смирнов пользовался для этого «всяким случаем» и даже приглашал Волошина в Институт истории искусств на доклад А. Таирова о путях развития Камерного театра. «Заседание закрытое, — пояснял он, — но Гвоздев, который там — хозяин, просит „хороших людей“ приходить. Если б ты с М. <арией> С. <тепановой> соблазнились, мы бы там встретились, ибо я там буду с Ольгой Георгиевной». (Очень выразителен этот переход на «ты»; ранее везде было «Вы».)²³ Впрочем, дружеское общение не исключало всевозможных дел: Смирнов выполнял некоторые просьбы Волошина, главное же — старался добиться выплаты ему гонорара за «Господина д'Амаркера» и обеспечить его работой на будущее; имелось в виду все то же издание сочинений Ренье.

Тема эта преобладает также в трех других письмах Смирнова к Волошину 1924 г. — от 14 октября, 10 ноября и 9 декабря, хотя в каждом из них содержатся и любопытные сведения биографического характера. «У меня жизнь по-прежнему очень пестрая. Читаю лекции по кельтологии и мн. др., перевожу, редактирую, пишу, — сообщает он, например, в первом из этих писем. — А ко всему прибавилась с осени еще новая должность — заведывающего художественной частью студии (учебной пока, но скоро из нее вырастет и театр) при Александринском театре.²⁴ Сейчас кончаю книгу „Красота в шахматной партии“ (!) — для Кроленки».²⁵ Наибольший же интерес представляет письмо от 9 декабря, значительная часть которого посвящена литературно-театральной жизни Ленинграда:

« ты спрашиваешь меня о литературной жизни у нас. Но ее почти нет, до того она замерла. Сологуб ничего не пишет, Кузмин пишет небольшие стихотворения, об Ахматовой ничего не слышно. Поэтам и писателям, которые для меня ценны и дороги, не только негде

¹⁸ А. А. Кроленко (1879—1970) — руководитель издательства «Academia» (1921—1929).

¹⁹ ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 1117, л. 6, 7.

²⁰ Мария Михайловна Шкапская (1891—1952) — поэтесса и переводчица.

²¹ К. Е. Костенко (1879—1956) — художник, О. Г. Костенко (1888—1969) вскоре стала женой А. А. Смирнова.

²² ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 1117, л. 11 об.

²³ А. А. Гвоздев (1887—1939) — театровед и литературовед. В Ленинграде Смирнов подарил Волошину два своих труда, вышедших в 1923 г., — «Очерки по истории западноевропейского театра» и оттиск статьи «Пути и задачи науки о литературе» (оба они сохранились в Доме-музее М. А. Волошина в Коктебеле).

²⁴ Студию при Академическом театре драмы (б. Александринском) организовал в 1923 г. Ю. М. Юрьев, в театр-студию она была преобразована в марте 1925 г.

²⁵ ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 1117, л. 12 об. Книга эта в печати неизвестна, но шахматами Смирнов продолжал интересоваться до конца жизни.

печататься, но и оглашать свои произведения почти не приходится. А серапионы и др. при-
мыкающие к ним молодые бесконечно мне не интересны, и я их не вижу, — впрочем, и они
сами как-то очень замерли. „Всемирная литература“, по-видимому, ликвидируется ввиду пере-
мен в положении и деятельности Моск. Госиздата, во главе которого назначен Ионов, жесто-
кий враг Тихонова,²⁶ — а еще больше из-за отсутствия средств. Из „Рус. современника“ я
вышел, разойдясь с ним по причинам и идейным, и личным.²⁷ Сейчас внезапно оказалось
резкое понижение культурности читателя, и идут только переводные бульварные романы.
Вчера был суд над А. Толстым из-за „Бунта машин“ («плагиат»), окончившийся быстрым и
блестательным его оправданием.²⁸ Сравнительно больше жизни в театрах, но особенно значи-
тельного и здесь нет ничего. Шла „Лизистрата“ в постановке С. Радлова,²⁹ но после 3-го
представления была снята, по соображениям цензуры нравов, по-моему (т. е. имея в виду ха-
рактер постановки) неосновательным.³⁰

Последнее из сохранившихся писем Смирнова к Волошину (от 23 мая 1925 г.) является ответом на «доброе, повторное приглашение» летом посе-
литься с семьей у него в Коктебеле, принять которое Смирнов не считал для
себя возможным. «Мне очень горестно, — писал он, — что не придется по-
жить и в этом году под твоим милым кровом, но так уж складываются
обстоятельства». Однако и в этом письме заключены признания, имеющие
несомненную биографическую ценность: «У меня было все время невероятно
много работы и, к сожалению, более „житейской“, заработочной, чем для
души: переводы, редактуры, работа в студии, лекции, не всегда такие и для
тех, как бы хотелось. Все же было кое-какое внешнее удовлетворение и
внутренняя радость. Проредактировал для „Земли и Фабрики“ два рома-
на — „La Révolte des Anges“ и „L'Île des Pingouins“ мало любимого мною
А. Франса; приятнее было заниматься Ренье, который медленно подвигается
вперед».³¹

Тогда же Смирнов отправил Волошину поздравительную телеграмму в
связи с 30-летним юбилеем его литературной деятельности. Как отозвался
он на смерть поэта, неизвестно. Во всяком случае, в архиве Волошина ма-
териалов такого рода нет.³²

²⁶ Илья Ионович Ионов (1887—1942), Александр Николаевич Тихонов (1880—1956) заве-
довал издательством «Всемирная литература»

²⁷ Журнал «Русский современник» издавался в 1924 г. в Ленинграде под редакцией
М. Горького, Е. Замятина, А. Тихонова, К. Чуковского, вышло всего 4 книги

²⁸ Иск предъявил переводчик на русский язык пьесы К. Чапека «Вур», положенной
А. Толстым в основу его «Бунта машин», резолюция суда гласила «В иске отказать»

²⁹ Премьера «Лизистраты» (по Аристофану, на музыку Н. Н. Стрельникова) состоялась в
Малом оперном театре 4 октября 1924 г.

³⁰ ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 1117, л. 19 об.

³¹ Там же, л. 20 (пер. «Восстание ангелов», «Остров пингвинов»)

³² Этими и некоторыми другими сведениями я обязан В. П. Купченко, за что приношу
ему глубокую благодарность